

С(44В)
К
Ф46

19844-к

СЕМЕН ФОМИН

**ВОСКРЕСЕНИЕ
ОРФЕЯ**

Portrait of a man, likely a historical figure, wearing glasses and a suit. The text below the portrait is faint and illegible.

кф
СЕМЕН ФОМИН

ССЧУВЗ
кф76

ВОСКРЕСЕНИЕ ОРФЕЯ

РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ

ПЕРЕВОД С ЧУВАШСКОГО
ИРИНЫ МИТТА

кф

ШТОРМ

Прочь от жены, новобрачный, не время тебе
тешиться с женой,
И пусть пахарь забудет о мирном труде,
Не время пахать и собирать урожай.
Так бешено бьет барабан,
так громко кричит труба.*

Уолт Уитмен

I

Эй, облака! Темно-синие грозные облака! Куда вы мчитесь? От кого бежите, кто вас гонит? Да скажите же! Скажите!..

Но нет. Молчат облака. Облака не слышат. Облака не говорят. Лишь одиноко гудит в лесу холодный осенний ветер.

Качаются верхушки деревьев,— качается весь лес. Падают листья с деревьев,— обнажается лес.

Голый лес.

Шуми, лес!

— Каш-каш!.. Каш-каш!..

— У-у-у!

Грозный вой ветра вселяет беспокойство в наши юные души. Завоеет нечистой силой — сожмется от страха сердце. И вдруг словно окатывает холодной водой — пробегает по телу дрожь.

— Пракуш! Давай вернемся.

* Перевод К. Чуковского.

— У меня карманы почти пустые. Коли уж пришли — надо их наполнить.

Мы собираем в лесу дубинник: из него можно делать чернила, которые давно уже не дают в школе. Мы боимся заходить слишком далеко. Осенний лес выглядит очень зловеще. И погода разыгралась, подвывает осени:

— Ы-ы-ы! Страшно! Страшно!

Темные грозовые облака мчатся по небу, словно бегут от погони. Испугавшись кого-то, прячется за облака глаз солнца.

А лес все шумит.

— Каш-каш! Каш-каш!

И все воет холодный ветер.

— У-у-у!

— Пракуш! Хватит собирать. Идем...

— Подожди. Слышишь, по железной дороге что-то едет. Выйдем к дороге, посмотрим, что там.

— Не хочу я ничего смотреть. Уйдем отсюда...

Страшно мне что-то. Сердце стучит. Но нет, не слушается меня Пракуш. Ему хочется увидеть машину. Мы выходим к дороге.

— Пых-пых!.. Пых-пых!..

Мимо тяжело пропыхтел паровоз. В окнах вагонов промелькнули солдатские головы в шлемах с красными звездочками. Торчат винтовки со штыками. Проплыли на платформах пушки.

— Ы-ы-ы! Страшно!.. Страшно!..

Прошел этот суровый поезд, и словно еще больше помрачнела осенняя природа. Диким голосом прогудел осенний лес. С треском ломаются и падают ветви деревьев. Как голодный волк, злобно воет вокруг холодный ветер. Пугает непуганых птиц. Вселяет страх в самые бесстрашные души.

— У-у-у!

Страшно сейчас в лесу!

Страшен паровоз!

Страшны солдаты с красными звездочками и штыками на винтовках!

— Куда они едут, Пракуш?

— В Казань... Драться с чехословаками.

— Чехословаки, говорят, до Тюрлемы дошли. А вдруг война дойдет до нас, Пракуш? Ты не боишься? Тогда мы не сможем учиться дальше.

— Пусть! — снова коротко бросает в ответ Пракуш.

Мы снова углубились в лес, скрылись за деревьями. Налетел порыв холодного ветра. Дрогнул лес.

— У-у-у!

Совсем близко прогремел ружейный залп.

— А-а-а! Убили!— громко взвизгнул Пракуш и тут же замолк. Что-то оборвалось у меня внутри.

Пракуш! — кричу я. — Пракуш!

Но Пракуш не откликается. Лишь одиноко воет ветер.

— У-у-у!..

— Пракуш! Пракуш! — из последних сил надрываюсь я.

Пракуш не отвечает.

Как страшно! Страшно!..

Страшно и искать его.

— Что же произошло? Куда идти? Может, снова выйти к железной дороге?

Со страхом сделал три-четыре шага. В зарослях орешника лежит Пракуш. На лбу ярко-красная струйка крови.

— Пракуш! Пракуш!

Пракуш молчит.

Пракуш мертв.

Страшно!

Я боюсь подходить к нему. Выхожу к железной дороге. Там, у дорожного столба, сгрудились солдаты со звездочками на шлемах, блестят штыки на винтовках. Перед ними лежит еще один убитый.

Страшно... От страха меня начинает трясти.

— Бежать!.. Бежать!.. Вот и тропинка.

Бегу, не чуя ни ног, ни земли. Бегу, задыхаясь. Сердце сжалось от страха. Но плакать боюсь: а вдруг услышат. Вышел из леса. Оглянулся. Осенний лес зловеще шумит уже позади.

— Каш-каш!.. Каш-каш!..

Дико свищет там холодный ветер.

— У-у-у!

II

Тело Пракуша привезли домой. В тесной избушке собралось довольно много народу. Каким-то образом выяснили все подробности происшедшего, и теперь всех охватил страх перед солдатами.

— Красная гвардия... Что за Красная гвардия?

— Кто их послал?

— Откуда они?.. Зачем пришли к нам?

О Красной гвардии никто ничего не знает, и это пугает еще больше. О сочувствии гвардии не может быть и ре-

чи: большинство принимает ее за врага. Появилась гвардия в наших местах неожиданно. Как только заговорили о чехословаках, в сторону Казани начали проезжать эшелоны солдат с красными звездочками. Чуть позднее небольшие группы солдат появились и в деревнях. Теперь в округе то и дело слышны выстрелы.

— Ну и время наступило... Страшное время!

Одну молодуху пуля настигла на молотье. Ее хоронили позавчера.

Перебивая друг друга, люди в избе разом заговорили.

— Говорят, Красная гвардия пришла за лавочниками, богатеями. И будто бы они отбирают все лишние деньги.

— Коли так, нам нечего бояться. Пусть дрожат те, у кого они есть,— бедняки дружно засмеялись и исподлобья покосились на богатого Кергури.

Тщетны надежды Кергури на доброе слово, дружескую поддержку односельчан!

Лишь старый кулак Хеведер Хромой громко, совсем некстати вступился за своего дружка:

— А-а-а, глупый народ! Чему вы радуетесь? Неужели думаете прожить без богатеев? Так не бывает! Думать надо, прежде чем смеяться... А-а-а, вообще, какого черта сейчас смеяться?

— Ты не больно-то кричи, Хеведер! Чему быть, тому тебе не помешать. Что будет — то и будет. Поживем — увидим,— перебило его сразу несколько голосов.

Хеведер Хромой пригладил слюнявой, пожелтевшей от курения рукой щетинистую бороду, прохрипел еще что-то, словно больной кот, и успокоился.

Примостившемуся в дверях чернобородому старику не терпится узнать о том, что произошло в лесу... в том страшном лесу.

— Я вот не понял, за что это убили парня из соседней деревни? — спрашивает он.

Ему тут же начинают пересказывать услышанное.

— Убитый был офицером, сыном бывшего лесоторговца Пракухья. Ворвались к нему ночью солдаты в шинелях, при оружии, и будто бы сказали: «Мы белые. Скоро разгромим всех этих бандитов, красногвардейцев. Нет ли здесь поблизости богачей? Они могли бы помочь нам». Сын-то Пракухья, хоть и офицер, не заметил подвоха. А солдаты были красноармейцами. Поверил он им и собрался проводить к цивильским богачам. Говорят, всю дорогу клял Красную гвардию. Его и расстреляли у железнодорожной полосы. Одна пуля попала в Пракуша.

— Вот злоден. И здесь им повезло,— говорит Кергури Богач.

— А-а-а, офицер-то, офицер, что он дал себя одурачить,— брызжет слюной кулак Хеведер.

Отец Пракуша в отчаянии:

— Все бы остальное ладно. Они моего сына... единственного сына убили,— с трудом выговаривает он.

— Говорят, от Тюрлемы война дойдет и к нам. Проезжая по железной дороге, будут стрелять в нас из пушек, ружей. Наступит тогда для всех смертный час,— слышится голос помоложе.

От слова «война» меня пробирает дрожь. И остальным становится не по себе.

— Ну и время... Страшное время!

Отец Пракуша—середняк. Лошадь, корова, четыре-пять овец, свинья, шесть-семь куриц — вот и все его хозяйство.

— Почему эта беда должна была случиться именно со мной,— настропаливает он сам себя. Беснуется яростно, зло. Злится на солдат, на сына. Достается и мне.

— И что вас вчера в лес потянуло? Пракуш... сыночек! Нет больше тебя!..

Мать захлебывается рыданиями возле мертвого сына.

Робко, безнадежно пытаются успокоить ее соседи:

— Не плачь, инге.* Слезами горю не поможешь. Время уж такое нынче... Время виновато...

Но пуще прежнего рыдает мать Пракуша...

— Ну и время... Страшное время!

Не выдержав слез безутешной матери, народ потихоньку начинает расходиться.

Сабани, сестра Пракуша, моя подружка. Я люблю ее. И она меня любит.

Сидя в переднем углу, напротив матери, Сабани горюет по брату. Но нет-нет да и кинет на меня быстрый взгляд. Я устроился у окна, выходящего во двор.

Люди разошлись. Утирая слезы, вышла куда-то мать Пракуша.

В избе остались только мы с Сабани. Мы вдвоем.

Я скорее подсаживаюсь к ней.

— Сабани... Один поцелуй...

— Нельзя, Михаля! Подумай немного о Пракуше. О нем надо горевать, а ты целоваться...

— Сабани... душенька! Послушай меня. Все мы когда-нибудь умрем. Что толку горевать о погибших. Их не воскресить. А живым — жить. Сабани... милая...

* Тётя.

Мы поцеловались.
И покраснели. Щеки наши горят.

* * *

На следующий день хоронили восемнадцатилетнего Пракуша, моего ровесника, одноклассника по двухклассной учительской школе, лучшего товарища. Спереди гроб несли мы с Сабани. Боясь обратить на себя внимание, мы старались не смотреть друг на друга.

Я вдруг заметил бегущие куда-то облака. Как и в тот день, в лесу. И как тогда, в лесу, начал кричать про себя:

— Эй, облака! Темные, грозные облака! Куда вы мчитесь? Куда торопитесь? Кто вас гонит? Да скажите же! Скажите!..

Но нет. Облака молчат. Облака не говорят.

III

Гул прошел по людской толпе. Грозный, зловещий гул. Моросит пронизывающий насквозь холодный осенний дождь. Мелкий надоедливый дождь.

— Эй, люди! Гвардейцы сейчас в Анаткасах. Как решим? Будем отдавать зерно или нет? — звенит голос кулака-председателя.

— Зачем они собирают зерно?

— Ты еще спрашиваешь? Известно зачем: для себя.

— А-а-а, для кого еще может быть. Не надо отдавать. А-а-а, какого черта отдавать? — брызжет слюной хромой кулак Хеведер.

Среди старых гнилых базарных лавчонок загудели людские голоса. Стоит грозный, зловещий гул.

— Тогда не будем давать, не будем!

Все моросит холодный осенний дождь. Мелкий, пронизывающий. Гниет на дожде тесовая крыша кабака, наполовину поросшая зеленой травой. Гниет, прогнивает..

Возле телеграфного столба стоит Кирук в рваной шинели. Руки у него перебиты. С фронта недавно вернулся... До того, как забрать в солдаты, он был пастухом. Робким, жалким, за человека никто не считал.

Кирук пытается сказать народу слово, слово правдивое, честное, идущее от сердца.

— Люди!.. Эй, люди... товарищи! — говорит он. — Зерно собирают для солдат.. для товарищей, которые сражаются с буржуями.

Народ подозрительно оглядывает его. И как пес, сорвавшийся с цепи, накидывается на него.

— Какие еще могут быть буржуи! Разве люди неодинаковы? Да он против народа. Если уж походил немного в солдатах, так, думаешь, ты все знаешь? И мы бывали солдатами, не только ты... Ты что, свинья, против народа хочешь пойти?

Толпа снова загудела. Грозно и зловеще.

Обозленный на гвардейцев, отец Пракуша ненавидит и бывшего пастуха.

Только один богатый Кергури почему-то отделился от всех, с тихим и робким видом жметесь к базарной лавочке.

— Что он издевается над нами? Взять и поколотить его! — слышалось с двух-трех сторон. И громче всех кричит отец Пракуша.

Никто... никто не захотел поверить словам пастуха.

Кулаки... взбешенные кулаки схватили его, оттащили от столба на середину улицы, в грязь, начали избивать.

— Люди! Не убивайте. Я же не сказал вам ничего плохого... — умоляет Кирук.

Народ, не зная, что делать, топчется на одном месте. Грозно, зловеще шумит народ.

— Не трогайте Кирука! — мощно прогудела наконец толпа.

— Гвардейцы идут, гвардейцы! — раздалось вдруг несколько голосов.

Кулаки тут же бросили Кирука и, быстро юркнув в толпу, скрылись в ней. Но краснозвездные гвардейцы с винтовками быстро отыскивали их. Тут же нашли подводы и повели боевое лишь минуту назад кулачье в контору. Повели. В руках у всех винтовки со штыками. Остальным велели разойтись. Народ, глухо ворча, разошелся. С тихим, зловещим ропотом.

Мелко моросит осенний дождь...

— Ы-ы-ы! Падает с неба холодный, пронизывающий насквозь мелкий дождь.

IV

Ходит по деревне, стучится в каждое окно десятник. К некоторым заходит в избы.

— Кто там? Что нужно?

— Я, десятник... Надо идти в церковь. Батюшка хочет устроить молебен.

— Ладно. Придем...

Звенит колокол.

Все... Старики и старухи, девушки и парни зашагали в сторону церкви.

Косясь на мои окна, прошла по улице Сабани в белом платье и платке. Тут и я побежал в церковь. Любаву-любушку догнал быстро:

— Куда идешь, Сабани?

— В церковь. На молебен.

— Какой молебен?

— Пошли, увидим там,— говорит Сабани.

Народу в церкви набралось много. Перед иконами зажгли свечи, лампы. Поп даже не надел ризу. В одной накинута епитрахили стоит на возвышении перед алтарем и ждет, пока все соберутся.

Дверь церкви то и дело открывается и закрывается: приходят все новые и новые люди.

— Дети мои! — начал поп.

Народ затих.

— Дети мои! Наступили страшные дни. Нет в мире спокойствия. Разбойники, какие-то гвардейцы, посланные сатаной, грабят народ...

Говорит он мягко, задушевно.

У мягкосердечных женщин уже потекли слезы.

А поп все говорит, говорит.

— Эти муки и беды бог шлет на нас за грехи наши. Слишком много мы согрешили. По наущению дьявола свергли царя... Дети мои, от всего сердца говорю я вам: уповайте только на господа бога. Он никогда не оставит истинных верующих. Не поддавайтесь искушениям вражьи. С сегодняшнего дня начнем еще сильнее молиться богу. Должно быть, скоро грянет война. Сохрани вас боже от искушений вражьи.

Притихший вышел из церкви народ. Послышались женские всхлипы.

— У-у-у! Что же будет? Что буде-ет?

— Беда с нашими женщинами. Что уж плакать-то зазя,— говорят жестокосердые мужчины. В их голосах — злость, накипевшая боль.

* * *

Перед церковью стоят гвардейцы со звездочками и при оружии. Из церкви выходит народ. Собирается в кучу. Замирает.

— Зачем они пришли?.. Кого ждут?

— Тс-с... Тише!

— Ай-ай! Батюшку ведут, батюшку! — завизжали женские голоса.

— Тс-с! Тише!

— Ишь ты, долгогривый... Контрреволюционер... Арестован! — сказали по-русски гвардейцы, уводя попа.

Страшные гвардейцы со звездочками и штыками. Остальным велели разойтись. Народ, глухо ворча, разошелся. С тихим, зловещим ропотом.

Испуганно озираясь вокруг, остались я и Сабани.

— Вот тебе и молебен, вот тебе и молебен,— повторяю я негромко.

— Молчи, я боюсь,— говорит Сабани.

С недовольным ропотом разошелся народ по деревенским улицам. С ропотом глухим, зловещим.

V

На следующий день люди снова собрались на базарной улочке.

— Народный комиссар приехал.

— Вот это да. Зачем, интересно?

— Какой-такой «народный комиссар»?

— Может, он будет теперь вместо старшины?

— Ш-ш-ш! Тише!

Комиссар, комиссар со звездочкой, во френче и при револьвере ловко вскарабкался на ступеньки запертой на все семь замков лавки. Гвардейцы со звездочками встали рядом. Блестят штыки на винтовках.

— Товарищи! — начал комиссар.

Люди затихли.

— Товарищи! Трудящиеся России взяли власть в свои руки. Разгромили буржуев, помещиков — угнетателей, разжиревших на чужом поту, чужой крови. Теперь везде будут работать Советы, комитеты бедноты.

Никто даже не шелохнется — все внимательно слушают. Все же кому-то невтерпеж — хочется немедленно обсудить услышанное с соседом. Его тут же останавливают:

— Тише!

Комиссар говорит по-русски, но говорит ясно, понятно. Говорит о Советах, их работе, Красной Армии, положении на фронтах, о том, как важно сейчас помочь Красной Армии. Его ясную, четкую речь понимают и те, кто не очень хорошо знает русский язык. Народу особенно понравилось, что комиссар сказал о так называемых ложных гвардиях, которые бродят и пьянствуют по деревням.

— О них вы напишите нам. Мы никому не позволим прикрываться именем гвардейцев.

Довольный гул пронесся по рядам.

— Спасибо, спасибо тебе! — слышались дружеские голоса.

— У меня есть жалоба на людей, заправляющих делами вашей деревни. По закону, в комитет бедноты не могут избираться люди, живущие за счет чужого труда, враги трудящихся. А у вас в комитете оказались мельники, кулачье. Поэтому придется переизбрать комитет. Согласны, товарищи?

— Согласны, конечно, согласны. Переизберем, — отозвались после некоторого раздумья голоса. Голоса мощные, убедительные.

Громче всех кричит бедняк Егор Черный, кричит энергично, бойко. Вслед за Егором Черным зашумела вся сходка, зашумела грозно, смело. Краснозвездные гвардейцы уже не кажутся такими страшными.

— Для нас стараются, наши люди, — довольно громко прошептали в толпе. Прошептали открыто, бесстрашно.

— Тогда я отказываюсь быть председателем... Выберите другого! — сказал председатель и отошел к стоящей отдельно компании Кергури Богача. Вид у председателя обиженный, недовольный.

— Избирать так избирать. Чего молчите? Надо искать людей.

— Давайте искать... Я предлагаю Егора.

— Я — Павла.

— Кандюка.

— Мирона.

— Трахвина.

— Изберем их... А председателем пусть будет Егор.

— Избрать! Избрать их!

Избрали. Председателем комитета стал бедняк Егор по прозвищу Черный. Никто против него слова не сказал, да и некому. Хеведера Хромого и его дружков еще вчера увели в уезд. Поговаривают, что попа приговорят к расстрелу, а вместо него пришлют другого. На сходке полностью хозайничают бедняки и середняки. Богач Кергури и вся компания по-прежнему жмутся друг к дружке возле базарной лавчонки. На лицах богатеев не только недовольство и обида, но и признание в поражении.

Политкомиссар раздал всем газеты:

— Читайте!

— Спасибо тебе, товарищ комиссар, спасибо...

Чувашскую газету взял Кирук, тот самый Кирук в рваной шинели, раненный на фронте.

И вдруг он заметил меня:

— Приходи вечерком ко мне. Газету вместе читаем!

Как изменился Кирук! И не скажешь, что человек он по натуре мягкий, робкий. На его лице сияет небывалая радость. Радость дерзкая, неприкрытая.

— Я победил!.. Победил!..— светится его лицо.

Эта радость неожиданно захлестнула и меня. Вдруг, ни с того ни с сего, охватило, закружило безудержное веселье.

Ох и весело мне! Ничего не боюсь!

Народ воодушевился. Народ гудит мощно и гневно. Расходится с отвагой и гневом на лицах.

VI

В нашей школе разместили рабочих, сбежавших с казанского порохового завода, и занятия начнутся не раньше, чем через месяц. Да я уже и не вспоминаю об учебе. Из головы не выходят гвардейцы, гвардейцы с красными звездочками. Я никак не могу их забыть. И невольно начинаю думать о войне, о никогда не виданной мною страшной войне.

Вот я на войне... Воюю с чехословаками на страшной войне. Я и сам будто стал солдатом, настоящим солдатом с красной звездочкой. В руках винтовка со штыком. Вот мы начали громить чехословаков, громим, громим, громим. Одних потопили в реке, других поубивали, многих взяли в плен... Наконец разгромили всех врагов и начали праздновать победу...

Замечтавшись, я прихожу в себя и по телу пробегает дрожь:

— Откуда берутся такие мысли?

Но гвардейцы не выходят из головы. После недолгого испуга я вдруг снова воодушевляюсь, в меня вселяется какая-то новая сила, новая надежда.

Вчера вечером я зашел к Кируку. Встреча с ним, видно, только навредила мне: мысли, то страшные, то вдруг совсем и не страшные, но и самому непонятные, самому видимые сквозь туман, сильные, мощные, захлестнули меня, подобно урагану.

Кирук зажег лучину и мы с ним долго читали газету, беседовали.

— Теперь я выздоровел. Через неделю снова на фронт.

— Поехали вместе, Михаля! Что сидеть дома во время войны? Что терпеть этих кулаков и богачей? Поехали, Михаля, — убеждает меня Кирук.

Его старый отец плетет у дверей лапти. И он, всю свою жизнь проведенный в пастухах да в батраках, сказал мне:

— Надобно тебе поторопиться. Всему свой срок положен. И если прозевать нужный момент, уже ничего не получится.

Я не нашелся, что ответить им. Мне стало стыдно, очень стыдно за свою дремучую жизнь.

Вот и не дают мне покоя мысли. То страшные, а то вдруг совсем и не страшные, вдохновляющие, вселяющие какую-то новую силу, новую надежду.

* * *

Сабани полощет у воды белье. Я подошел к ней и неожиданно для себя самого бездумно и бесстрашно заявил:

— Сабани... Я уйду добровольцем на фронт. Вместе с Кируком.

Сабани переменялась в лице.

— Не ври.

— Да не вру я! Еду..

Сабани холодно оглядела меня. Так и стояли, внимательно смотрели друг другу в глаза, смотрели долго, молча... «Это он нарочно», — подумалось, наверное, ей. Она засмеялась:

— Перестань... Нельзя так обманывать... волновать девичье сердце.

— Вот увидишь. Уеду, — повторил я снова.

Сабани не поверила. Лишь погрозила кулаком:

— Смотри у меня...

VII

Власть в деревне теперь в руках бедняков. Комитет бедноты действует вовсю. Богачи боятся бедняков, как огня. Даже пытаются угощать их — ввек не угощали, а теперь угощают!

И днем и ночью звенит на улицах мощный голос бедняков. Грозно и бесстрашно звенит этот голос.

Получившие свободу бедняки быстро захмелели, захмелели без пива, без спиртного, от одной лишь свободы.

Беднота гуляет,
Буржуй горюет,

Гуляй, гуляй, беднота!
Горюй, горюй, сгниь, буржуй!

Опьяненные свободой, бедняки нарочно пугают поутихших богачей, пугают за прошлое, во имя грядущего.

— Кергури дома? — слышится голос Егора Черного. Голос злой, жесткий.

— Нет, — отвечает жена Кергури.

Ее трясет как в лихорадке. В подполе стучит зубами от страха Кергури.

Бедняки с песнями идут дальше, к другим богатеям. И днем и ночью звенит на улицах их мощный голос. Грозно, бесстрашно звенит этот голос.

VIII

Настала ночь. Десятник снова ходит по улицам, громко и торопливо стучится в окна.

— Что случилось?

— Срочно бегите на хутор. Сегодня ночью убьют крепита*... идите скорее!

Вместе с приятелями и я побежал на хутор. Хутор этот стоит в верстах четырех от деревни, около леса, на лучшей в округе земле. Народ давно невзлюбил хозяина хутора за то, что он забрал себе лучшие земли. Сильнее всех ненавидят его бедняки.

— Крепи-и-ит!

— Че-е-ерт!

— Кровопийца! — всяко ругают они хозяина хутора. Слышится ругань, ругань отчаянная, злая.

Этой ночью состоялся страшный суд над хуторянином, суд страшный, надолго запомнившийся всей округе. Злобно, гневно шумит народ:

— Отберите все его барахло!

Отобрали.

— Заберите скот.

Скот забрали.

— Избить его семью.

Избили семью.

— Свяжите хозяина!

Хозяина связали.

— Ай!.. Ой-й! Ай-й-й! Не убивайте!.. Ради бога, не убивайте! Детей пожалейте... дети маленькие...

* Крепит — прозвище хуторянина. По-видимому, образовано от слова «закрепить» (хуторяне отрезали и закрепляли за собой лучшие земли) — прим. перев.

— Что, теперь детей пожалеть? А ты нас жалел? Крепит-ит!.. Злоде-е-ей! Всю семью надо прикончить.

— Убьем хозяина!

— Сжечь его, злодея! Сжечь, пусть духу даже не останется.

Народ рассвирепел. Хуторянина быстренько привязали к столбу, под ноги постелили солому.

Когда крепит отрезал землю под хутор, он отобрал у отца Пракуша лучший земельный надел. И у него свои счета с хуторянином. Отец Пракуша на время забывает свою боль, обиду на красногвардейцев.

— Облить его сначала керосином! — крикнул он в толпу.

Из дома вынесли в банке керосин. Выплеснули всю банку на хуторянина... Кто-то тут же поджег солому. Пламя огненной змеей обвило хуторянина. Сгорел хуторянин вместе со столбом, превратился сначала в красноватый уголь, потом в черный, цвета земли, пепел.

— Сгорел крепит!

— Сдох крепит!

— Прощай, крепит! — сказали голоса, голоса злые, грозные.

Темно-синее ночное небо прозрачно. Может, это от холодных звезд... от призрачного света холодных звезд.

Последние языки пламени захотели подняться в эту синюю высь и спастись. Но нет, не успели. Потухли, исчезли.

— Сдох крепит!

— Потух крепит!

IX

Страшная расправа взволновала меня. Снова не нахожу себе места. Мысли, то страшные, то вдруг совсем и не страшные, но и самому себе непонятные, словно видимые сквозь туман, сильные и мощные, захлестнули меня подобно урагану.

Пракуш погиб... погиб из-за офицера. Кулак Хеведер и его дружки все еще сидят в тюрьме. Комиссар воодушевил народ. Комитеты... Хуторянин... Каждый день свершаются новые дела. Деревенская жизнь кипит, как вода в котле, кипит, пузырится, злобно шипит.

Только я в стороне от всего. И мне снова становится стыдно за свою жизнь. За дремучую пустую жизнь.

— Уйду... Все равно уйду добровольцем на фронт.

Вот сегодня прочитал воззвание. Большими красными буквами написано оно на телеграфном столбе. Прочитал

его и загорелся еще больше. Показалось, что какая-то новая сила... новая надежда вселилась в меня. И я успокоился.

Х

Отец с матерью задали дома трепку.

— Дурак... У кого еще такой глупый сын? Кто по своей воле едет за смертью? Эх, ты, дурак!.. Ну и дурак же!— приговаривали они, плача.

Сабани я встретил за их огородом, на берегу маленького светлого озера. Она тоже заплакала. Я, как мог, утешал ее.

— Сабани, милая! Не держи меня, я все равно уеду. Буду воевать с белогвардейцами.

Сабани успокоилась. Видимо, белогвардейцы показались ей очень страшными людьми, которых просто необходимо перебить. Она больше не уговаривала меня.

— Езжай тогда! Только помни, не забывай, пиши письма,— сказала она и мы, поцеловавшись, расстались. Расстались, бездумно, беззаботно поцеловавшись.

Словно штормовой ветер вынес меня из деревни, ветер большой, сильный, штормовой. И показалось, что вот только теперь, когда я ухожу из деревни, рассеялся туман...

Мы с Кируком легко и радостно вскочили в теплушку. Зашумел, запыхтел и тронулся паровоз, наш огромный паровоз.

— Пых! Пых-пых!

Переехали поле и оказались в лесу. В лесу, где погиб Пракуш.

— Спи спокойно, Пракуш! Прощай, школа! Прощай, Сабани! Прощай, родная деревенька! Не скоро еще увидимся. Борьба будет долгой, и, может, не вернусь я с поля брани. А пока прощайте...

Снова бегут темно-синие грозные облака. Мчатся, как и мы, вперед. Но я уже не спрашиваю, куда они спешат, нет. Сейчас я говорю:

— Эй, облака! Темные, грозные облака! Идемте вместе! Идемте драться с врагами... Но что вы отстаете от нас? Эй, что отстаете? Идемте скорее! Скажите что-нибудь! Что вы молчите?

Но нет. Молчат облака. Облакам никогда не слышать. Облакам не заговорить.